

М.С. Знаменский

**Исторические окрестности
города Тобольска**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М.С. Знаменский**
Исторические окрестности города Тобольска / М.С. Знаменский – М.: Книга
по Требованию, 2014. – 72 с.

ISBN 978-5-4241-7186-4

Исторические окрестности города Тобольска.

ISBN 978-5-4241-7186-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Лишь только пахнётъ въ открытыя окна весною и заслышится въ полѣ голосъ кукушки я какъ бродяга стремлюсь на свободу въ лѣса: тамъ въ тишинѣ, посѣщая бугры и овраги я вспоминаю исторію нашего края. Сколько мѣстъ и урочищъ предстаютъ предо мною какъ страницы сказаній о прошлыхъ дѣяніяхъ и людяхъ отжившихъ и связавшихъ имя свое съ исторіей нашего края. Было время когда почти каждый житель Тобольска зналъ каждую мѣстность съ ея историческимъ прошлымъ, было время когда съ легкой руки Кипріяна у насъ началось собираніе легендъ и преданій: писалъ и ямщикъ*), и боярскіе дѣти**), писали и купцы***). Имена и сочиненія Миллера, Фишера и Словцова были знакомы каждому грамотею; но прошло это время: съ тощихъ російскихъ кормовъ потянулись на тучныя пажити наши служилые, краю нашему чуждые люди, имъ не было дѣла до исторіи нашей—лишь бы имъ нагулять себѣ тѣло и снова исчезнуть въ Россію. Еще меньше сим-

*) Черепановъ.

**) Ремезовъ.

***) Старинные роды купцовъ вели свои записки, исчезнувшія или въ пожарахъ, или по небрежности слѣдующихъ поколѣній.

патій питаль другой слой прибывшій сюда по неволѣ, — слой ссыльныхъ. Тѣмъ и другимъ какая нужда до нашихъ преданій; если имъ и знакомо было имя Ермака, то только потому что лѣтнее мѣстопробываніе клуба находится въ саду, гдѣ стоитъ памятникъ этаго героя.

Съ другой стороны и молодежь города Тобольска, выростая въ этой атмосферѣ, увлекается привозной мишурой и блескомъ мелхіора, индифферентно сторонится отъ мѣста ихъ рожденія. Только въ дали отъ родины въ болѣе чистой атмосферѣ труда и науки молодежь начинаетъ чувствовать свою кровную связь съ городомъ и дорожить всѣмъ до нее касающимся.

Вотъ для такихъ то, да еще для такъ называемыхъ закорузлыхъ тоболяковъ я и желаю собрать разбросанныя по многимъ сочиненіямъ, отъ части сдѣлавшимся библіографическою рѣдкостію, сказанія объ историческихъ нашихъ окрестностяхъ.

УКРѢПЛЕНІЕ МАХМЕТЪ-КУЛА

на Чувашскомъ мысу.

Приближался по Московскому тракту къ переправѣ чрезъ Иртышъ, съ правой руки вы видите отвѣсную желтоватую стѣну, сажень въ 30 высоты, надъ подмывающей его рѣкою. — Это Чувашскій мысъ — первая историческая окрестность города Тобольска. Съ этой собственно мѣстности и начинается исторія города Тобольска.

Жутко дѣлается, когда, съ каждымъ взмахомъ весель, паромъ придвигается къ готовой рухнуть въ воду стѣнѣ, состоящей изъ рыхлыхъ слоистыхъ песковъ и частию глины. Вы выходите на берегъ и стѣна возвышенности, повернувшаяся подъ прямымъ угломъ къ сѣверу, теряетъ свой мертвенный видъ. Здѣсь она отъ основанія до вершины одѣта въ голубовато-зеленый цвѣтъ курчавой полыни, (*Artemisia Frigida*), въ промывныхъ же, отъ тающаго снѣга и дождей, разсѣлинахъ растительность разнообразится: тутъ вы видите и мяту (*Glecoma Hederaea*) и красивый розовый

букетами горошекъ и подъ цвѣтъ ему кусты шиповника (*Rosa cinnamomea*), пріютившаго подъ своею тѣнію наливающуюся землянику (*Fragaria vesca*). Пройдя по душистому ковру кашки (бѣлая дятлина—*Trifolium repens*) сажень полтора отъ берега, вы встрѣчаете небольшой холмъ, образовавшійся отъ скатившейся сверху, изъ довольно широкаго оврага, земли. Этотъ широкій и вмѣстѣ съ тѣмъ, пологій оврагъ самый лучшій и удобный путь на высоту, или какъ мы называемъ на гору. Идя по тропинкѣ не разъ приходится остановиться, чтобы поднять черепокъ по типу своихъ украшеній родственныя черепкамъ до историческаго вѣка Швейцаріи, Кавказа и Мервскихъ кургановъ, не разъ обращаетъ вниманіе и на торчащія изъ глыбы глины рыбы и скотскія кости, а если посчастливится, то, можно найти тутъ, если не цѣлую, то обломокъ стрѣлы, или костяного ножа. Словомъ путь этотъ предвѣщаетъ, что вступаєте вы на почву былого прошлаго. Но вотъ съуживающійся къ верху оврагъ приводитъ васъ въ ровъ, окружающій скругленнымъ треугольникомъ пространство въ девяносто сажень въ окружности. Этотъ трехъ угольникъ одною стороною лежитъ у самого края бугра, а другою къ тому оврагу, по которому мы поднимались; пространство это—имѣвшее прежде три кургана поросло таваложникомъ (*Spiraea chamaedrifolia*) шиповникомъ, медунгой (*pulmonaria mollis*) и другими неприхотливыми растеніями нашего климата,—двѣ три березки сиротливо возвышаются надъ мелкою растительностію. За упомянутымъ уже ровомъ идетъ гладкое

пространство сажень въ 15 ширины, огражденное тоже ровомъ, но уже болѣе мелкимъ; а за нимъ мелкій безрезникъ окружаетъ стѣной это пустынное мѣсто.

Какихъ разумныхъ существъ смѣнили хлопотливые массы муравьевъ и насѣкомыхъ царящіе и хозяйничающіе въ настоящее время здѣсь? На этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить, соглашаясь вполне съ нашимъ сибирскимъ историкомъ Словцовымъ, который говорить: „Вѣроятно на этихъ мѣстахъ жила вогулы и остяки, Въ подтвержденіи сего мнѣнія можетъ служить названіе Подчувашскаго мыса. Ибо рѣченіе „подъ чуваша“ значитъ на остятскомъ языкѣ селеніе прибрежное, какъ недавно узнаю мною отъ ѣздившаго въ Обдорскъ чиновника. Прежде сего я не понималъ, отъ чего нашъ мысъ прозванъ Подчувашскимъ, потому что чувашей не было видно въ бытіяхъ сибирской исторіи“ *). Къ этому авторитетному мнѣнію мы можемъ прибавить только то, что произведенныя на этой площади раскопки дали намъ матеріалъ чисто остяцкаго быта, какъ то:... костяныя принадлежности оленьей упряжи—пластинки, надѣваемые на голову оленя для управленія его возжей, костяныя пряжки, блоки и проч. Костяныя ножи и лопаточныя скотскія кости съ заостреннымъ прорѣзомъ по срединѣ—это остятскія орудія для очистки рыбы отъ чешуи, глиняныя болванчики звѣрей и человѣка сидящаго верхомъ на осѣдланной лошади—это пенаты жившихъ здѣсь лю-

*) «Прогулка вокругъ Тобольска» соч. Словцова. Стр. 29.

дей**). Кроме того по словам старожиловъ это мѣсто въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ было усѣяно олепными рогами.

Допустивъ населеніе этихъ мѣстностей остяками мы поймемъ названіе и другого мыса Чукманъ: по словамъ хорошо знающаго остятскія нарѣчія протоіерея Попова „кеманъ“ по русски можно перевести „внутри“, что очень соотвѣтствуетъ положенію мыса Чукманъ.

Но возвратимся къ Чувашскому мысу и къ тому времени когда это мѣсто сдѣлалось мѣстомъ историческимъ и его имя получило право гражданства на страницахъ сибирскихъ лѣтописей.—Это было не задолго до пришествія Ермака, въ половинѣ XVI вѣка.

***) Вся эта коллекція въ настоящее время составляетъ собственность Сибирскаго университета

II.

ЧУВАШСКИЙ МЫСЛЬ.

Триста слишкомъ лѣтъ тому назадъ, въ тѣ годы, когда рѣшалась судьба Сибири, въ Европѣ процвѣтали уже и наука и искусства: въ туманной Англiи, въ эти самые года, безсмертный Шекспиръ писалъ произведенiя, которымъ суждено было сдѣлаться извѣстными всему свѣту—проникать и доставлять отраду въ такихъ мѣстахъ, какія при его жизни были населены только дикарями. Генiальная кисть Европейскихъ художниковъ того времени обезсмертила уже много, и историческихъ лицъ съ ихъ историческими подвигами, и простыхъ смертныхъ въ ихъ прозаической обстановкѣ.

Неудивительно, послѣ того, что писатель, вспоминая намъ прошлое Европы за триста лѣтъ, можетъ представить картину того времени съ богатыми и вѣрными подробностями. Совсѣмъ другое дѣло—говорить о прошломъ нашей Сибири: тутъ въ нашемъ распоряженiи нѣсколько краткихъ лѣтописей, да остатки тѣхъ холмовъ и равнинъ, гдѣ жили и дѣйствовали историческiя личности. Съ этими-то лѣтописями я и приглашаю читателя прогуляться со мной по нашимъ окрестностямъ и помянуть дѣла давно минувшихъ дней.

Въ 1580-хъ годахъ владѣль Сибирью царь Кучумъ; 12-ть лѣтъ тому назадъ пришелъ онъ со своими удалцами изъ южныхъ степей, побѣдилъ царя Этыгара (Этигера), убилъ его и поселился въ его городкѣ „Сибирь“, называемомъ нынѣ Искеромъ*). Помѣстившись тутъ со своими избранными, онъ принялся хозяйничать въ землѣ Сибирской, размѣщая женъ и родственниковъ по разнымъ ближнимъ городкамъ: такъ въ мѣстечкѣ Абалакѣ помѣстилъ онъ старшую жену свою Самбулу, близъ нынѣшняго Тобольска жила вторая жена его, старшая дочь Мурзы Девлетъ-Бая; сѣвернѣе, верстъ на 9-ть отъ Тобольска, былъ городокъ третьей его жены—Сузге; затѣмъ тамъ и сямъ размѣстились его родственники: гдѣ тесть, гдѣ зять, гдѣ племянникъ.

Устроивъ близкихъ своихъ по мѣстамъ, повелъ Кучумъ свою жизнь безъ труда и заботы. Взятіемъ Сибири и убійствомъ прежняго владѣтеля онъ лично закончилъ свой воинскія дѣла; для покоренія же мелкихъ Сибирскихъ народцевъ и для взиманія съ нихъ дани онъ разсылалъ уже подчиненныхъ. Дѣлъ у него по управленію своимъ царствомъ, какъ можемъ думать, было немного; порой только приходилось отписываться отъ требованій русскихъ царемъ дани по примѣру прежнихъ лѣтъ. Свою привычку въ кочевой жизни онъ могъ удовлетворять, визируя своихъ женъ и родственниковъ, въ антрактахъ же забавляясь охотой

*) Ис-каръ по татарски означаетъ вообще всякое старое городище, „Историческое обозрѣніе Сибири“. Соч. Словцова.

на многочисленныхъ еще тогда въ Сибири звѣрей и птицъ.

Было у Кучума всего довольно: хлѣбъ доставляли ему подвластные татары, занимавшіеся уже тогда хлѣбопашествомъ, рыбу, звѣря и мѣха—остяки и вогулы, а болѣе усовершенствованныя произведенія шли къ нему съ юга съ караванами изъ Бухары; такъ что про царя Кучума нашъ Тобольскій поэтъ П. Ш. Ершовъ имѣлъ полное право сказать:

„Много силы у Кучума,
Много всякаго богатства;
Драгоценныя каменья,
Изъ монистовъ ожерелья,
Черный соболь и лисицы,
Золото и серебро.“

И жилъ Кучумъ спокойно и въ довольствѣ до 1580 года, и дальше бы такъ жилъ, умеръ бы покойно и лежали бы его кости на ханскомъ кладбищѣ, еслибы вдали отъ Сибири, на Западъ за тысячи верстъ, на широкой матушкѣ Волгѣ, не плавали люди, которымъ жизнь была копѣйка и которые тяготу крестьянскаго труда съ его невзгодами промѣняли на легкую добычу разбойниковъ. Энергическія мѣры Царя Ивана Васильевича, принятія противъ нихъ, заставили этихъ людей поискать для себя другого подходящаго занятія, и какъ говорится въ старой пѣснѣ:

Рѣчь возговорилъ Ермакъ Тимофеевичъ:
Ой вы той еси, братцы, атаманы-молодцы,
Эй вы дѣлайте лодочки коломенки,
Забивайте вы кочеты еловые,

Накладайте бабачки сосновя,

Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помощью,

Мы пригрянемте, братцы, вверху по Волгѣ рѣкѣ.

Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,

Доберемся мы до царства бусурманскаго,

Завоюемъ мы царство Сибирское.

Вамъ юные читатели, хорошо извѣстно, кто былъ Ермакъ, какъ попалъ онъ къ Строгоновымъ, жившимъ на границѣ Сибири, какъ съ ихъ помощью пошелъ на царя Кучума. Моя цѣль не повторять историческихъ извѣстныхъ вамъ сказаній, а только пройти по историческимъ сибирскимъ мѣстностямъ и вспомнать, гдѣ что было.

Не разъ гуляя по этимъ мѣстамъ, срисовывая ихъ и роясь въ землѣ, я говорилъ и съ мѣстными жителями, въ надеждѣ услышать отъ нихъ какія нибудь преданія, или легенды о прошломъ, но, къ сожалѣнію, русскихъ сибиряковъ ничего прошлое не интересовало. Только нашелся одинъ татаринъ-старикъ, житель Соусканскихъ юртъ, находящихся вблизи родового ханскаго кладбища. Привожу его сказаніе буквально: „Да!“ началъ меланхолически полуслѣпой сухой старикъ, казавшійся тѣнью, вышедшою изъ могилы, осененной столѣтними березами, „да, не хотѣлъ царь Кучумъ стариковъ слушать . . . не хотѣлъ — и погубилъ евое царство . . . Бѣжалъ къ нему Ермакъ, отъ русскаго царя бѣжалъ; много онъ тамъ людей убилъ, русскій царь хотѣлъ его повѣсить, ну онъ и бѣжалъ къ нашему царю . . . Привилъ его Кучумъ, хорошій кузнецъ былъ Ермакъ и умный